

Nina Mečkovskaâ

Demokratizaciâ azykov: faktory, kollizii i al'ternativy

Acta Neophilologica 8, 129-138

2006

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Нина Мечковская

Białoruski Uniwersytet Państwowy
w Mińsku

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ: ФАКТОРЫ, КОЛЛИЗИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

1. О содержании признака „демократичный” применительно к языку. „Демократичность языка” естественно понимать как его большую доступность всё большему числу говорящих (в сравнении с некоторым другим языком или другим состоянием данного языка). Признак „демократичность языка” имеет смысл по отношению только к литературному языку. Демократичности языка противостоят, с одной стороны, аристократичность (элитарность), с другой – скованность и обедненность речи, характерные для тоталитарных обществ; с третьей стороны – чрезмерная сложность языкового кода и правил.

2. Три аспекта в процессах демократизации литературных языков. Процессы, создающие „доступность” языка, различны по своей онтологии. Их причины лежат вне языка – в появлении новых социальных требований к количеству и качеству коммуникации. Следствия демократизации также выходят за пределы языка – в психологию и социологию коммуникации.

2.1. Социологическая картина распределения социально маркированных вариантов языка. Этот самый внешний по отношению к структуре языка аспект предполагает ответы на следующие вопросы: каково количественное соотношение и социально-образовательные характеристики тех групп носителей языка, которые владеют литературным языком, и групп носителей, не владеющих стандартом; какой процент населения говорит на диалектах и какой – на городском просторечье; какие группы носителей языка и в какой мере общаются на арго; много ли людей активно пользуются письменной речью (например, в силу служебных обязанностей составляют деловые бумаги, пишут научные отчеты / диссертации, не только читают, но и пишут в Интернете).

В аспекте социологии языка наблюдается процессы, свидетельствующие о давно идущей демократизации литературного языка: он распространяется все шире и становится преобладающим средством общения, в недалекой перспективе – языком большинства носителей языка. Соответственно сокращается контингент

носителей диалектов и просторечия. Аргумент из корпоративного подъязыка постепенно становится экспрессивно-стилистической разновидностью общего языка.

Однако возникает вопрос: можно ли в переходе каких-то групп людей с диалекта или просторечия на литературный язык видеть процесс, который повышает „демократичность” языка? По-видимому, нельзя: на материнском диалекте человеку говорить легче, чем на том языке, которому его учили в школе. Таким образом, в аспекте лингвосоциологии вполне очевидна внутренняя противоречивость феномена „демократизация языка”.

2.2. Изменения в принципах использования языка. Данный аспект можно назвать стилистическим (в широком смысле термина). Это внимание к тому, какие из языковых возможностей и почему люди выбирают, каким речевым образцам следуют. В современном общении в целом преобладают демократические тенденции и либеральные оценки речи. Фактически ничего или почти ничего не запрещено: всеобщая раскованность, возможны заимствования из любого стиля, аргумент, любой окказионализм, варваризм... В этой анархии есть своя логика. Она состоит в стремлении попробовать то, что раньше запрещалось, т.е. расширить диапазон языковых возможностей.

Процессы либерально-демократического обращения с языками носят хотя и видимый (демонстрируемый), но поверхностный характер. Примерно такая же поверхностная, т.е. стилистическая (а не сущностная) демократизация происходит в образовании: внешне оно становится всё более демократичным, поэтому кажется доступным (если не в плане за обучение, то по обещаемой легкости наук). Однако на деле имеет место ранняя и глубокая специализация образования: в математических, языковых, музыкальных лицеях, в спортивных и военных училищах дети и подростки занимаются много и упорно.

При видимой раскованности в современном речевом общении есть свои трудности. Обмен информацией происходит во все более концентрированной форме, поэтому для экспрессии и убедительности привлекаются любые языковые средства, только бы действовали. Все чаще модераторы и редакторы ограничивают говорящих и пишущих во времени или в печатной площади. Для более экономной передачи информации СМИ одновременно используют все доступные каналы: титры на телеэкране, сопровождающие особенно важную произносимую информацию; бегущая строка внизу телеэкрана с информацией на тему, отличную от актуально передаваемой; компактдиски в дополнение к газете (бонус-вкладыш) и т.п.

В межличностном общении и, что особенно важно, в публичной коммуникации все более осознается ценность прямого и устного контакта, поскольку такое общение (в сравнении с заочным и письменным) часто более информативно. В непосредственном контакте для реципиента ценна не столько логическая или фактологическая информация, сколько модально-эмоциональная. Люди больше доверяют устной речи, разговору глаза в глаза, чем написанному или напечатанному тексту. Телевидение расширяет возможности восприятия информации о внутреннем и, следовательно, истинном отношении человека к своей

теме и к собеседнику. Д. С. Лихачев говорил, что телевидение позволило увидеть глаза, лицо человека, и это не менее важно, чем рассмотреть в телескоп звезду.

2.3. Изменения в „фактуре” языка (в словаре и грамматике): литературные языки не становятся доступнее. В современных языках с невиданными прежде темпами растет число новых слов, прежде всего терминов, и имя им легион. Понятно, что массы новых слов усложняют язык, и хотя синтаксис становится более свободным (особенно в устном общении, в том числе публичном), все же усилия, которые требуются от человека, если он хочет поспевать за культурным словарем родного языка, растут. В целом язык, как и жизнь, не становится проще или доступнее. Наряду с количественным ростом словаря, идет диверсификация форм общения; семиотически оно делается более насыщенным.

3. Процессам демократизации языков предшествовало культурное двуязычие – столетия социально-языкового апартеида. Письменный язык в своих истоках всегда элитарен; часто его считали священным. В редких случаях письменность на родном языке достаточно быстро становилась достоянием многих, и такие счастливые цивилизации быстро достигали расцвета (как это произошло в Древней Греции и Риме). Однако для большинства регионов мира в начале новой эры и в Средние века было характерно культурное двуязычие: в церкви, образовании, „ученой” книжности использовался престижный надэтнический язык (санскрит, взнянь, древнегреческий, латынь, литературный арабский, классический персидский, церковнославянский), в то время как в повседневном общении (в том числе и письменности, но „простой”) использовались местные (народные) языки. Ситуации культурного двуязычия устойчивы: латынь была языком западного христианства и культуры 1000 лет; церковнославянский язык был литературным языком православных славян в течение 7 столетий. В эти долгие века только надэтнический язык (т.е. более или менее чужой) ощущался как „правильный” язык. Общение на народных языках, устное и письменное, реально преобладало, однако оно находилось вне нормативного пространства, т.е. в глазах социума – вне высокой культуры. Столетия культурного двуязычия были временем максимального недемократизма литературных языков.

4. Переход от культурного двуязычия к национальному одноязычию как основной процесс в истории демократизации языков. Принятие социумом своего этнического языка в функции языка церкви, школы и высокой культуры означает появление литературного языка нового типа – не замкнутого в узкой сфере особо важных функций, но языка открытого и многофункционального. На латыни или церковнославянском невозможно было говорить на рынке, с крестьянином, ремесленником, с женщиной, с детьми. В народных литературных языках эти ограничения отпали.

Наиболее глубокое типологическое различие между литературными языками старого и нового типа связано с тем, что в новых (народных) языках разговорная речь вошла в „нормативное пространство” коммуникации. В современном общении в Европе и Америке нет такой ситуации, где литературный язык был бы

неуместен: все виды неофициального общения (семейно-бытовое, самое дружеское и интимное и т.п.) возможны на литературном языке. В результате замены надэтнического литературного языка народным расширились области использования нормированной речи; расширился также социальный состав носителей языкового стандарта; одновременно шла демократизация норм и либерализация языковых вкусов.

5. Зависит ли демократичность языка от языковой политики? Вполне очевидно, что смена типа литературного языка (как самый масштабный процесс в истории демократизации языков) не была результатом языковой политики. Процессы такого ранга, каким является демократизация языков, соответствуют долговременным и стихийным тенденциям в развитии культуры, цивилизации, коммуникационных технологий. Вытеснение латыни или церковнославянского народными языками были языковой компонентой в тех разнообразных процессах, в которых переплетены две прогрессирующие тенденции: интенсификация общественного бытия и гомогенизация людских сообществ. Укрепление народных языков в качестве основных языков в своих национальных культурах было связано с такими процессами, как переход от феодального уклада жизни к индустриальному; секуляризация общественной жизни; рост городского населения; распространение книгопечатания; распространение образования и удлинение обязательного школьного обучения; постепенное трансформирование низовой народной культуры в массовую.

Таким образом, демократизация языкового уклада в послефеодальные времена была именно велением времени и стихийным процессом, который не мог быть по силам той людской самодеятельности, которую зовут языковой политикой. В условиях одноязычия языковая политика состоит в кодификации стихийного языкового узуса, включая расстановку некоторых идеологических и культурных акцентов, а также в пропаганде „хорошей речи”. В отличие от национально-языковой политики, культуртрегерская активность внутри сообщества людей, говорящих на одном языке, является несопоставимо более камерной и скромной по результатам. Ее плоды заметнее всего в периоды формирования литературных языков, позже – в участии в терминологической работе, в привлечении внимания общества к культуре языка путем обращения к СМИ, к возможностям школы, научно-популярной литературы и т.п.

Языковая политика внутри одноязычного социума коррелирует с его лингвистической идеологией, т.е. с преобладающими в обществе деонтической и аксиологической модальностями по отношению к языку и речи: то ли запрещать малейшие вольности, в штыки встречать каждый неологизм и особенно заимствование, то ли поощрять свободу и речевую смелость, то ли вообще не обращать внимания на слова. Степень демократизма лингвистической идеологии поразительно тесно коррелирует со степенью демократичности общества.

В недемократических социумах в той или иной форме имеется языковая цензура, приписывающая себе государственно-политическую значимость.

Власть, стремясь контролировать информационные потоки, старается распространить контроль также и на язык общения, политизируя и идеологизируя языковые вопросы. Тоталитарная лингвистическая идеология предпочитает жесткую кодификацию, сужающую диапазон возможностей языка; для нее характерны нелюбовь к индивидуальным особенностям речи и заметным языковым личностям; она поощряет безликую речь; пренебрежительно относится к диалектам и диалектизмам, равнодушна к историческим запасам языка.

История русского языка и литературы XX в. изобилует проявлениями тоталитарной языковой политики. Достаточно вспомнить крестовый поход против диалектизмов, начатый Горьким в 30-х гг.; или безликий средний стиль производственных романов 30-х гг.; или отсутствие индивидуально-личностного начала в публицистике.

В либерально-демократическом обществе, напротив, поощряют широту и своеобразие в использовании возможностей общенародного языка; инновации, включая заимствования, оцениваются функционально; языковой пуризм или отсутствует или не силен; здесь уважают диалекты и терпимы к диалектизмам в художественной речи; временные границы современного языка видятся широко.

Политическая динамика общества между полюсами демократии и контрдемократии особенно четко коррелирует с реформами графики и орфографии, о чем свидетельствуют не только осуществленные реформы (русского письма 1708–1710 и 1918 гг.; польские реформы 1897 и 1936 гг.), но также и история свернутых реформ – таких, как неудавшиеся попытки демократизации орфографии, предпринятые в Польше и СССР в годы послесталинской оттепели. В 1961 г. в Польше готовилось новое, XIII, издание *Pisowni polskiej* PAN; в 1962–1963 гг. в Институте РЯ АН СССР под руководством М. В. Панова разрабатывались новые правила орфографии. Это были полустихийные инициативы либеральной интеллигенции, направленные на уменьшение непоследовательности в правилах письма, на генерализацию и укрупнение ряда орфографических норм, что могло бы облегчить школьное усвоение орфографии. И в Варшаве и в Москве работы над „либеральными” орфографиями были остановлены „сверху”, что не случайно совпало с концом „оттепели”.

Отвечая на вопрос, „зависит ли демократичность языка от языковой политики?”, следует иметь в виду, что последствия демократической и контрдемократической языковой политики отнюдь не симметричны. Тоталитарная политика сокращает диапазон языковых средств, используемых в СМИ и литературе; это обедняет и примитивизирует язык произведений данного времени, однако это обеднение остается чертой именно данных текстов, а не нормативно-стилистической системы языка. В условиях либерально-демократической языковой политики картина иная: расширение диапазона языковых средств, привлекаемых в СМИ и художественные тексты, в той или иной мере затрагивает нормативно-стилистический уклад языка: люди постепенно привыкают к тем лексическим и стилистическим инновациям,

которые они встречают в текстах СМИ и литературе. При этом что-то люди принимают пассивно; другие инновации могут войти в их активную речь; в каких-то случаях у людей могут измениться прагматические оценки тех или иных слов или конструкций (допустим, оборот, который прежде ощущался как грубый арготизм, после ток-шоу стал казаться приемлемым) и т.д.

Отмеченная асимметрия следствий либерализма и контрдемократизма в языковой политике связана с тем, что именно расширение языковых возможностей отвечает магистральным тенденциям в развитии языков. Вместе с тем легко видеть, что следствия языковой политики носят поверхностный, в основном стилистический характер. Что касается таких „тектонических” процессов, как расширение коммуникации на литературном языке, как двусторонняя конвергенция стандарта и субстандартов (диалектов и просторечия), то процессы такого ранга не определяются ни языковой политикой, ни общим политическим курсом государств. Эти процессы начались при переходе от феодального общества к индустриальному; они усилились в информационном обществе, но при этом от сознательной активности людей, направленной на язык, в процессах такого масштаба практически ничего не зависит.

6. Тенденция к языковой гомогенизации социума и коллоквиализации публичного общения. Процессы языковой гомогенизации современных сообществ включают встречные нормативно-стилистические движения: и „снизу вверх”, и „сверху вниз”. Примером движения „снизу вверх” может быть, в частности, тот факт, что в странах Европы среди современных рабочих процент лиц, говорящих на литературном языке, выше, чем полвека назад. Примером движения „сверху вниз” может служить повсеместная коллоквиализация публичного общения. Проявления названных тенденций бесчисленны.

Языковая гомогенизация обществ осуществляется в форме многих аналогичных процессов „снизу вверх” и „сверху вниз”. В широкой социокультурной перспективе гомогенизация языкового общения соответствует аналогичным тенденциям в истории СМИ и культуры, которые, по мере развития техники тиражирования и телекоммуникации, становятся все более массовыми. При этом происходит взаимодействие элитарной культуры (в анамнезе дворянско-интеллигентской) и массовой культуры (в анамнезе низовой). Если на заре эпохи кино и грамзаписи эти две культуры были далеки друг от друга, то их последующая история состояла во взаимном сближении. В результате движения „сверху вниз” высокая культура утрачивала элитарность, а культура растущего городского населения, расширяясь „снизу вверх”, переставала быть низовой. В авангарде этих процессов находились кинематограф и музыка.

Слияние культур продолжается в наши дни. Приведу характерные вербальные знаки этого синтеза: слово *квалюид* (контаминация слов *квалитет*, т.е. ‘качество’, и *таблоид*) для обозначения качественных и вместе с тем тиражных газет; московская газета (с разными известиями о людях шоу-бизнеса) под названием „Желтая газета”.

7. Тупики языковой элитарности: проблемы белорусского и украинского языков. Современный литературный белорусский язык формировался XX в. (в ходе национального возрождения начиная с 1906 г. и политики белорусизации в 20-х гг.) в результате сознательной дивергенции по отношению к русскому и польскому языкам. Вместе с тем в течение всего XX в. в Беларуси продолжалась конвергенция этнических субстандартов (т.е. белорусских диалектов, городского просторечия) по отношению к русскому языку. Процесс конвергенции повседневной речи белорусов с русским языком, особенно сильный в городах, начался еще в последней трети XVIII в., после разделов Речи Посполитой и аннексии белорусских земель Российской Империей в результате планомерной и жесткой русификации. Напомню, что газеты и книгоиздание на белорусском языке были разрешены только в 1906 г., а первые школы с белорусским языком были открыты в 1915 г., но не государством, а на благотворительной основе, в школах для детей беженцев от войны.

Энтузиасты национального возрождения и в первой трети XX в., и 90-х гг. стремились оттолкнуться от русифицированного белорусского просторечия (всеми презираемого плода русификации – *трасянки*). В результате усиливалась дивергенция литературного языка по отношению к массовому общению. Между тем в русском языке, напротив, продолжается сближение литературного языка и субстандартных вариантов русского языка, причем это именно демократизация узуса: не разговорный язык „равняется” на книжный (в результате чего он становился бы более строгим и разборчивым, синтаксически выдержанным и т.д.), а, напротив, идет либерализация норм кодифицированного языка.

Проблема белорусского и украинского литературных языков не в том, что их стандарты „недемократичны” или „далеки от народа”, а в том, что в условиях многовековой русификации в языках не выработаны формы национальной повседневной разговорной речи, т.е. речи некодифицированной, но в то же время отвечающей нормам своего литературного языка. Лишенный лексической подпитки „своей” разговорно-диалектной речи, такой нерусифицированный национальный язык маргинализируется, закрепляясь в сфере не массовой культуры, но книжно-письменной (историко-филологические сочинения, художественная литература, нередко в элитарном вкусе).

8. Демократизация языка *versus* усложнение языка. Если в Средние века демократичности литературного языка мешала надэтничность (латыни или церковнославянского), то в XX в. вопрос о доступности языка ставится применительно уже к новым (этническим) языкам, при этом доступности противостоит не элитарность языка, но сложность. Усложнение языка обусловлено возрастанием интеллектуально-семиотической насыщенности жизни и дифференциацией форм общения.

Усложнение языка, помимо количественного роста словаря, проявляется в ряде процессов. Постоянно идет все более тонкая дифференциация вариантных и синонимических средств; вырабатываются более сложные формы синтаксической организации высказываний и целых текстов (ср. правила оформления

научных публикаций), в том числе создаются специальные правила пунктуации (дополнительные по отношению к общим правилам или даже противоречащие им; ср., в частности, пунктуацию в библиографических описаниях); распространяются креолизованные („гибридные“) семиотики и сообщения (в которых слова или части слов соединяются с изображениями, цифрами или знаками других семиотик); интенсифицируется метаязыковая рефлексия говорящих, что приводит к расширению состава метаязыковых средств и к их большей употребительности; интенсифицируются процессы заимствования и интернационализации языков.

Однако в нарастающей сложности языков есть тенденция, с которой связано разрешение коллизии между демократизмом языка и его сложностью. Этот выход состоит, во-первых, в дальнейшей дифференциации языковых средств и вариантов и, во-вторых, в терминологизации и стандартизации профессионального общения.

Подъязык научных публикаций становится все более специальным, жестким (не варибельным) и все более насыщенным конвенциональными знаками-символами (в терминах Ч. Пирса), но именно эти свойства делают язык науки доступным и удобным для профессионалов. Стандартизированный и конвенциональный научный стиль позволяет специалисту, комбинируя термины и клишированные связки между ними, не столько писать, сколько компоновать научную статью, как бы монтируя ее из готовых блоков и модулей. Ср. выводы О. А. Лаптевой после сравнения статей по биологии начала XX в. и 60-х гг.: „Чтобы написать в наше время научную статью, не нужно вообще уметь писать: достаточно иметь в своем распоряжении лишь некоторый (сравнительно ограниченный) набор языковых средств“ [Лаптева 1968: 131]. Таким образом, сложение специальных подъязыков – это не альтернатива демократизации, а ее осуществление другими средствами.

9. Либерализующий фактор Интернета. Несмотря на то, что Интернет представляет собой более сложный и элитарный способ коммуникации (в сравнении с телефоном или обычной почтой), его влияние на языки является либерально-демократизирующим. Это связано с рядом обстоятельств. В-первых, Интернет принес с собой (в том числе в несетевое письменное общение) новый стиль – быстрый, легкий, информационно ёмкий, по возможности остроумный и при этом подчеркнуто корректный по отношению к собеседнику, часто незнакомому. Эта манера письма, идущая от зачинателей еще некоммерческого Интернета, наследовала черты демократического и раскованного молодежного общения в университетских кампусах и лабораториях.

Во-вторых, следует принять во внимание то, в каком соотношении в Интернет-коммуникации находятся, с одной стороны, естественный язык (являющийся в Интернете основным средством вербального общения, но при этом мягким (*soft*) средством), а с другой стороны, – специальный искусственный код, более строгий и облигаторный (*hard*), чем обычный язык, и при этом инсталлированный в код обычного (естественного) языка в Интернете. Пользователь должен усвоить, кроме терминов и нескольких десятков новых для себя графических знаков (включая

буквенно-цифровые аббревиатуры некоторых английских фраз), также еще и дополнительные правила комбинирования знаков. Например, компьютер приучает человека к тому, что наличие или отсутствие точки или пробела в электронном адресе или в названии документа может быть критически важно; что число угловых скобок в адресе должно быть обязательно четным; что некоторые знаки клавиатуры нельзя использовать в имени документа, под которым он передается в Сеть или хранится в памяти компьютера, и т.п. Для успешности Интернет-коммуникации эти дополнения к обычному языку (новые знаки и правила) важнее, чем орфография и грамматика общего языка (к тому же в компьютеры встроены программы орфографического и стилистического контроля). Поэтому школьные нормы грамматики и орфографии в Интернете мало кого заботят, они во многом обесценились. Более того, эта небрежность по отношению к обычным языковым нормам, как и стилистическая легкость чатов и э-мэйлов, сохраняются у пользователей и за пределами Интернета.

Наконец, все жанры Интернет-коммуникации (в особенности Интернет-газеты) приучают писать кратко, точно и легко. На практике это вырабатывает у людей более демократический стиль письма (короткая фраза; отрывочность („рваность“) текста; постоянная рубрицированность сообщений; безразличие к синтаксической недостроенности высказывания и т.п.). Привычка к такому письму расшатывает языковые нормы, причем не только „материально“ (в использовании ненормативных конструкций), но и „идеологически“ – приучая к мысли, что школьные нормы грамматики не так важны, как учила школа.

10. Мегалополис языка и речевая квартирка частного человека. Мартин Хайдеггер в *Письмах о гуманизме* (1947) назвал язык „самым интимным лоном культуры“, „домом бытия“ человека. Действительно, в культуре ничего более близкого человеку, чем родной язык, нет. Вместе с тем налицо процессы, которые отчуждают язык от человека, разъединяют их. В XIX в. для человека, окончившего университет (допустим, для учителя гимназии), язык действительно был родным и обжитым домом. Современные языки напоминают скорее мегалополисы: хотя человек здесь и родился, но ни границ мегалополиса, ни его дальних концов он не видит, а о существовании целых районов даже не подозревает.

Информационная насыщенность жизни делает языки все более сложными. Однако функциональная дифференцированность языковых средств и подязыков позволяет каждому „насельнику“ языкового мегалополиса в конце концов найти свою нишу, свою квартирку, где он может как-то жить, вопреки тому, что язык целиком, во всем богатстве и творческой силе становится для отдельного человека все менее обозримым и доступным.

Библиография

- Булатова Л.Н., Земская Е.А., Кузьмина С.М., Новиков В.И. (2001). *Диапазон дарования. К 80-летию М.В. Панова*. Вопросы языкознания, № 1, с. 3–13.
- Лаптева О.А. (1968). *Внутрителивая эволюция современной русской научной прозы. W: Развитие функциональных стилей современного русского языка*. Москва, с. 126–185.
- Мечковская Н.Б. (2003). *Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков*. Москва.
- Мечковская Н.Б. (2003а). *Белорусский язык: Социолингвистические очерки*. München. Specimina philologiae slavicae. Bd. 138.
- Мечковская Н.Б. (2004). *Семиотика: Язык. Природа. Культура. Курс лекций*. Москва.
- Jodłowski S. (1979). *Losy polskiej ortografii*. Warszawa.
- Smułkowa E., Żurawski A. (1961). *O polskich i niepolskich kłopotach ortograficznych. 3. Podstawowe trudności ortografii białoruskiej*. Język Polski, vol. XLI, № 1, s. 41–51.

SUMMARY

Democratisation of languages: factors, collisions and alternatives

Democratisation of languages happens commonly and spontaneously. The main process in the development of language democratisation is the transition from cultural bilingualism, so typical of the Middle Ages, to national monolingualism. That kind of language conversion was a linguistic component of the powerful historical trend towards the intensification of being social and towards homogenisation of human communities. Language policy has trivial results in lexicographic and grammatical codification and a few serious results in the degree of freedom in mass media and public communication as also in the linguistic ideology of community (in deontological and axiological modalities towards language).